

ливо замечает по поводу расправы слуги над осужденной королевой («взяв і одфікуф руки»): «Кедь то дохторе ріжуть, та інекцію давають, а там не были інекції».

Жанровая трансформация сказки в устную авантюрно-фантастическую или авантюрно-бытовую устную повесть, обусловленная творческим мышлением современного сказочника, как видно из фольклорного материала данной книги, может быть связана со вторжением в традиционный сказочный сюжет событий современности. Так, в сказке «Син профессора» (текст № 19) есть эпизод: офицеры готовятся к выступлению против рабочих, которые устроили революцию, и капитан отдает распоряжение в связи с этим по телефону своему денщику.

Украинские сказки Словакии связаны с восточнославянской и западнославянской фольклорной традициями. В репертуаре отдельных сказочников соотношение этих традиционных основ различно, но связь с общеукраинским сказочным эпосом все же является более глубокой, особенно в стилевом отношении.

Сопоставляя сказки П. Илько и таких украинских сказочников Словакии прошлого века, как М. Пустай и М. Фотул, можно заметить в репертуаре современного сказочника отражение процесса разложения жанра и стиля устной сказки, обеднение ее репертуара. Однако эти сказки все же доказывают возможность достижений народного сказкотворчества и в условиях закономерного, но очень противоречивого процесса затухания устной сказочной традиции. Судя по многомотнику М. Гиряка, процесс сказкотворчества получает самобытное выражение в украинских селениях Восточной Словакии, которые наряду с селениями Советского Закарпатья являются редкими очагами активно бытующего сказочного эпоса.

Заключаящие книгу тексты №№ 25—28, записанные от Марии Илько, не соответствуют определенным типам сказочных сюжетов: это устные рассказы о житейских случаях.

В предисловии М. Гиряк высказал предположение, что сказки П. Илько послужат ценным источником для выяснения межэтнических связей сказочного эпоса славянских народов и привлекут внимание любителей художественного слова. Разделяя эту надежду, мы вместе с тем снова, как и в рецензии на предыдущие тома, отметим желательность издания избранных текстов этого многомотника в Советском Союзе на русском языке.

Л. Г. Барак

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

А. Н. Седловская. Малые народы Бихара (историко-этнографический очерк). М., 1976, 125 стр.

Проблемы этногенеза и основные этапы этнической истории так называемых «малых» народов, изменения в их традиционной материальной и духовной культуре и социально-экономических отношениях неизменно вызывают пристальное внимание советских исследователей.

Действительно, трудно себе представить формирование больших этносов без учета того вклада, который внесли в этот процесс малые народы. К тому же надо учитывать, что последние зачастую являются автохтонами того или иного региона. В этом отношении Южная Азия (и в первую очередь Индия) как особая историко-этнографическая область представляет особый интерес.

Новая работа А. Н. Седловской «Малые народы Бихара» посвящена одному из наиболее сложных в этническом отношении штатов Северной Индии. Как известно, в Бихаре живет 30 «зарегистрированных племен», общая численность которых, по переписи 1971 г., составляет 4 млн. 932 тыс. чел. или 8,7% всего населения штата и 13% численности «зарегистрированных племен» Индии в целом.

Книга состоит из обширного введения, четырех глав и краткого заключения. Во Введении (стр. 3—32) А. Н. Седловская аргументированно обосновывает необходимость изучения этнического и социально-экономического развития малых народов Бихара. Автор справедливо подчеркивает, что сам термин «зарегистрированные племена», официально принятый в Индии, весьма условен, так как большинство из них давно уже переросло стадию племенной организации и сохраняет ее лишь в пережиточной форме. Но одновременно с этим принятый в советской этнографической литературе термин «малые народы» также не лишен некоторой условности: численность отдельных народов, входящих в эту категорию, иногда достигает нескольких миллионов человек.

Например, только в Бихаре санталов насчитывается свыше 1,8 млн. чел., ораонов — 876 тыс., мунда — 723 тыс. и хо — 505 тыс. чел.

Во Введении также дается обзор источников и литературы, рассматриваются численность и расселение малых народов Бихара, их лингвистическая и антропологическая характеристика, а также географические условия исследуемого района. Многие из этих народов являются потомками древнейших жителей рассматриваемого региона, в значительной степени сохранившими в своем антропологическом облике веддоидные черты.

Часть малых народов, известных в индийской литературе также под названием «адиваси» («первозасельщики»), была в самые отдаленные времена отселена в малодоступные глухие горные и лесные районы. И это, как справедливо отмечает А. Н. Седловская, «явилось одной из главных причин отсталости их социально-экономического развития» (стр. 3, 4).

В настоящее время основную территорию расселения малых народов составляют южные и восточные округа Бихара, в первую очередь область Чотанангпур и округ Парганы Санталов.

В главе I, «Основные этапы исторического развития» (стр. 33—57), автор, привлекая обширный материал, прослеживает историю заселения Бихара, который был освоен человеком в глубокой древности. Об этом свидетельствуют находки палеолитических стоянок и орудий труда человека. В эпоху неолита восточная часть Индостана, Бирма и Индокитай, по-видимому, составляли единую территорию, на которой были распространены близкие культуры.

А. Н. Седловская шаг за шагом рассматривает этапы расселения древних народов на территории современного Бихара и прилегающих районов. И ее вывод о том, что некоторые из них явились родоначальниками современных малых народов, на наш взгляд, вполне закономерен.

Советские антропологи высказали мнение, что предки мунда принадлежали к переходным австралоидно-монголоидным популяциям, которые по мере продвижения на юго-запад все более и более смешивались с веддоидным населением — первоначальными насельниками Индостана. Анализируя и сопоставляя различные данные, А. Н. Седловская пришла к следующему выводу: «Современные мундаязычные народы Бихара и некоторых районов соседних штатов в антропологическом отношении представляют именно такой веддоидный комплекс с разной степенью выраженности монголоидных черт» (стр. 35).

Несомненно, как показывает автор, в дальнейшем антропологический и этнический состав аборигенного населения усложнялся с приходом протодравидов и особенно, конечно, в связи с массовым вторжением ведических арьев.

Несмотря на то, что в настоящее время в Бихаре среди малых народов большинство составляют мундаязычные группы, на наш взгляд, в этом разделе исторической главы дравидоязычным народам должно было быть уделено большее внимание и более четко определено их место в системе «мунда — арии».

В этой главе достаточно обстоятельно рассказано обо всех перипетиях этнической истории малых народов Бихара, об их длительной и упорной борьбе против вторжения индоарийских народов.

Особенно быстро начало ухудшаться положение адиваси во второй половине XVIII в., потому что после битвы при Плесси в 1756 г. Бихар фактически вошел в состав английских колониальных владений в Индии. Как известно, англичане ввели в этой области систему крупного землевладения, известную под названием «заминдари», и землевладельцы-заминдари, которые зачастую были выходцами из числа крупных соседних народов, начали безудержный захват исконных земель малых народов. Последние не раз брались за оружие, чтобы отстаивать свои законные права.

А. Н. Седловская исследует процесс обезземеливания адиваси и показывает его последствия в нелегких исторических судьбах малых народов, которые подвергались двойному грабежу как со стороны «своих» местных заминдаров, торговцев и ростовщиков, так и со стороны английских колониальных властей.

Адиваси, как показано в книге, внесли немалый вклад в развертывание антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Индии. Это, конечно, в первую очередь относится к наиболее крупным «малым» народам. Именно у них наиболее развито этническое самосознание, которое проявляется в их большей политической активности.

Глава II, «Хозяйство и материальная культура» (стр. 58—76), посвящена основным занятиям малых народов Бихара, их поселениям и жилищу, пище и одежде.

Последние индийские переписи выделяют в штате, как уже говорилось, 30 «зарегистрированных племен», которые отличаются как своей численностью, так и уровнем социально-экономического развития.

В настоящее время основным занятием подавляющего большинства малых народов Бихара является сельское хозяйство, в основном земледелие. Автор подчеркивает, что у таких крупных народов, как санталы, мунда, ораоны, хо и ряда других с давних пор господствует пашенное земледелие. Правда, среди них встречаются также группы населения, которые практикуют ручное земледелие (подсечно-огневое и террасное). Возможно, на наш взгляд, что последние, вытесненные с удобных пашенных земель, попали в менее благоприятные географические условия (горы, джунгли) и были вынуждены в новой обстановке изменить характер своей хозяйственной деятельности. Такие примеры в истории Южной Азии известны.

У другой группы народов, менее многочисленных (саурия пахариа, мал пахариа, асуров, кхариа и др.), подсечно-огневое земледелие (джум или курао) было и все еще остается основной формой их хозяйственной деятельности.

Хозяйственно-культурный тип охотников и собирателей «в наиболее чистом виде сохранился у бирхоров и некоторых групп кхариа» (стр. 58). По-видимому, почти все человечество прошло эту стадию. И слова А. Н. Седловской о том, что охота и собирательство «в пережиточной форме встречается почти у всех малых народов Чотанагпура» (стр. 58), только подтверждают эту мысль.

Следует сказать, что автор убедительно показал взаимосвязь материальной культуры с уровнем социально-экономического развития и хозяйственно-культурным типом изучаемых народов. В этой главе много новых интересных сведений и сопоставлений элементов материальной культуры малых народов с материальной культурой больших соседних этносов. К сожалению, объем рецензии не позволяет остановиться на этом вопросе более подробно.

В главе III, «Общественные отношения и социальная организация. Аграрные отношения» (стр. 77—99), рассматриваются очень сложные и актуальные вопросы. Проблемы, поднятые А. Н. Седловской, собственно говоря, определили и определяют дальнейшие пути этнического развития малых народов Бихара.

Эту главу автор правомерно открывает историей земельных отношений, так как «основная часть населения малых народов Бихара занята в сфере сельского хозяйства, главной отраслью которого является земледелие (в переписи 1971 г. 60,6% населения „зарегистрированных племен“ Бихара числятся земледельцами, а 27,5% — сельскохозяйственными рабочими)» (стр. 77).

Аграрные отношения отличались и отличаются сложностью и запутанностью. В их старье, традиционные формы английские колонизаторы ввели много «новшеств», которые еще больше усложнили эти отношения. А. Н. Седловская анализирует всю совокупность взаимоотношений между государством, крупными и средними землевладельцами, мелкими землевладельцами и различными категориями арендаторов.

Как и во всей остальной Индии, в Бихаре была распространена использование различных форм принудительного труда (бегар), система незаконных поборов (абвабы), взимаемых помещиками с беззащитных крестьян. Кое-где они в силу традиций сохранились до настоящего времени.

Малоземелье значительной части крестьянства приводило его к быстрому и прогрессирующему разорению. Автор справедливо отмечает, что крестьяне «превращались или в бесправных сезонных сельскохозяйственных рабочих, или в отходников, уходивших работать на чайные и джутовые плантации Ассама и Бенгалии» (стр. 80).

Конечно, после достижения Индией независимости в Бихаре, как и во всех остальных штатах, произошли значительные перемены, часть которых была связана с проведением здесь аграрных реформ. Однако, как справедливо пишет автор, «...аграрная проблема там не решена и эксплуатация основной массы адиваси продолжается, с одной стороны, их богатыми соплеменниками, с другой — представителями инонациональных поселенцев, ростовщиками и бывшими заминдарами» (стр. 83).

Характеризуя общественные отношения и социальную организацию малых народов, А. Н. Седловская совершенно правильно, на наш взгляд, пошла по пути описания близких между собой в традиционно-бытовой культуре групп малых народов. Это позволило ей в значительной мере избежать повторов.

В этой главе автор специально выделил два небольших раздела — «Пролетариат» и «Интеллигенция» (стр. 84—86), которые органически связаны с кратким заключением. Выделение этих разделов вполне оправдано.

Южные округа Бихара становятся наиболее промышленно развитыми районами Индии, а Чотанагпур превращается в «индустриальное сердце Индии». Ряды рабочего класса, численность которого непрерывно возрастает, в значительной мере пополняются за счет адиваси. В большинстве случаев, как отмечает автор, «рабочие, принадлежащие к малым народам, — наиболее эксплуатируемая часть индийского пролетариата, многие из них не имеют квалификации и получают очень низкую заработную плату» (стр. 84). Среди адиваси много сезонных рабочих.

Но одновременно с этим из числа малых народов формируется «костяк наиболее квалифицированной и сознательной части пролетариата Чотанагпура» (стр. 85), который все активнее вместе с рабочими других национальностей выступает за свои экономические и политические права. Непрерывное увеличение кадров рабочего класса имеет далеко идущие социальные последствия. Адиваси, живущие среди многонационального населения в промышленных центрах, испытывают культурное влияние со стороны окружающих народов, перенимают основные элементы материальной и духовной культуры. И это особенно важно, как подчеркивает А. Н. Седловская, «в условиях города среди адиваси повышается процент смешанных браков. Все это ведет к постепенному стиранию этнических различий между представителями малых народов и убыстряет их ассимиляцию» (стр. 85, 86).

Глава IV, «Духовная культура» (стр. 100—115), посвящена верованиям и народному творчеству. Отмечая, что индуизм и народные верования малых народов в Бихаре сосуществуют в течение многих веков, автор закономерно ставит вопрос об их взаимовлиянии. А. Н. Седловская справедливо подчеркивает приверженность малых народов своим древним верованиям. Но это не противоречит тому, что в настоящее

время малые народы Бихара не представляют собой единства в религиозном отношении. Верования многих из них в той или иной степени подверглись влиянию индуизма. Больше это касается тех народов, которые сейчас почти утратили свое этническое лицо, превратившись во внекастовых и низкокастовых индусов.

Но даже те адваси, которые принимали индуизм и его основные догмы, одновременно с этим в значительной мере сохраняют свои древние верования, приспособлявая их к индуистской практике. «В меньшей степени, — как отмечает автор, — подверглись индуизации те малые народы, которые представляют собой общности с устойчивыми этническими признаками (санталы, мунда, хо, ораоны и др.)» (стр. 110).

Среди адваси значительный процент населения исповедует христианство. И, по видимому, справедливо пишет автор, что «христианизированная часть малых народов Бихара стоит ближе к всей общине индийских христиан, нежели к своим соплеменникам» (стр. 109). Это обстоятельство, несомненно, создает сложности в этническом развитии малых народов Бихара.

В то же время у таких малых народов, как санталы, ораоны, хо и мунда, образовалась значительная прослойка своей интеллигенции, численность которой непрерывно возрастает. Она «играет существенную роль в развитии их этнического, или национального, самосознания» (стр. 86). Именно эта интеллигенция, на наш взгляд, в какой-то степени является носителем и проводником этнической ограниченности. Она ратует, например, за предоставление национальной автономии народам группы адваси Чотанагпура и создание штата Джаркханд. Но претворение этого требования в жизнь едва ли реально, так как, во-первых, малые народы в этом регионе составляют все же меньшинство и, во-вторых, интересы промышленного пролетариата и местной буржуазии все больше связываются с общендийскими интересами, перерастая рамки отдельного штата.

В то же время автор, на наш взгляд, совершенно прав, когда высказывает предположение, что «такие народы, как мунда, ораоны, санталы, хо, ведущие активную борьбу за национальное самоопределение, возможно, пойдут по пути консолидации в рамках единой этнической общности и даже получат региональную автономию, вероятно, в рамках того же штата» (стр. 118). Малочисленные народы — бирхоры, бхумиджи, ххариа — постепенно будут ассимилироваться соседними более крупными этносами.

Для подобного прогноза у автора есть серьезные основания. Действительно, если такие многочисленные народы, как санталы, мунда, ораоны, хо, живут в основном компактно и имеют свои определенные этнические территории, то ряд малочисленных «зарегистрированных племен» живет дисперсно и ни в одном из округов Бихара не составляет значительного процента населения. Это приводит к тому, что в некоторых округах часть последних поополняет ряды «зарегистрированных каст» индусов таких трех основных больших этносов Бихара, как бходжпурцы, магахи и майтхильцы, которые часто не совсем правомерно называют собирательным термином «бихарцы».

Заслуга А. Н. Седловской в том, что в сравнительно небольшой по объему монографии она сумела проанализировать большой материал и не только показать впервые в советской этнографической науке специфику этнических процессов в Бихаре, но и дать характеристику материальной и духовной культуры обитающих здесь малых народов. Все это, несомненно, очень важно для изучения общих закономерностей этнического развития народов Индии в целом.

Конечно, в этом серьезном исследовании есть и свои просчеты. Так, например, на наш взгляд, следовало бы более широко использовать для сопоставления сравнительный материал по соседним штатам. Неоправдано кратки разделы, посвященные таким основным элементам материальной культуры, как одежда и пища, нет указателя и словника. Но отдельные недочеты никоим образом не снижают научной ценности рецензируемой монографии.

В. И. Кочнев